7.
403

С. И. ПОВАРНИНЪ

Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго Университета.

B
4005
I.N.X.

Объ „интуитивизмѣ“ Н. О. Лосскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40

1911

СЛОВАРЬ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

Спб. Тверская, 14.

Вып. 1—2. Тургеневъ.
» 3. Лермонтовъ.
» 4. Гоголь.
» 5. Аксаковъ.
» 6. Грибоѣдовъ.
» 7. Пушкинъ.
» 8—10. Толстой.
» 11. Гончаровъ.

Въ составъ каждаго выпуска входятъ: 1) Біографическая канва; 2) Подробныя характеристики въ освѣщеніи автора и критики, библіографія; 3) Указатель всѣхъ типовъ и образовъ (краткія характеристики всѣхъ второстепенныхъ образовъ и лицъ); 4) Перечень произведеній съ историко-литературными справками; 5) Сводъ нарицательныхъ именъ; 6) Группировка типовъ; 7) Источники для изученія писателя.

Вып. 12—14. Достоевскій.
» 15. Писемскій.
» 16—17. Островскій.
» 18—20. Салтыковъ.
» 21. Герценъ.
» 22. Успенскій.
» 23—24. Чеховъ.

1 — 2-й выпуски С. Л. Т. допущены въ фунд. библіотеки военно-учебныхъ заведеній.

Редакція Н. Д. Носкова.

Сотрудники: Андріановъ, С. А. проф., Боцяновскій, В. Ѳ., Вейнбергъ, А. А., Измайловъ, А. А., Каптеревъ, Н. А., Лебедевъ, Н. Н., Лернеръ, Н. О., Либровичъ, С. Ф., Львовичъ, В. Л., Мартиросовъ, С. Е. Майеръ, Н. В., Носкова, Е. К., Носковъ, Н. Д., Поварнинъ, С. И. прив.-доц., Саввинъ, Н. А., Урванцовъ, Л. Н.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ:

Выпускъ 1—2. «*Литературные типы Тургенева*»—2 рубля.
Выпускъ 3. «*Литературные типы Лермонтова*»—1 рубль.
Выпускъ 4. «*Литературные типы Гоголя*»—1 рубль 25 коп.
Выпускъ 5. «*Литературные типы Аксакова*»—1 рубль.
Выпускъ 6. «*Литературные типы Грибоѣдова*»—1 рубль.
Выпускъ 7. «*Литературные типы Пушкина*» (печатается).

Подписная цѣна на 24 выпуска съ дост. и перес. **двадцать четыре** рубля.

Разсрочка: **9** руб. при подпискѣ и по **3** рубля послѣ выхода 8, 11, 14, 17 и 20 выпусковъ. Или **2** рубля задатокъ, при полученіи первыхъ 4-хъ по 1 рублю и при полученіи каждаго изъ послѣдующихъ по **90** коп. наложеннымъ платежемъ (наложенный платежъ по 10 коп. за счетъ заказчика).

Желающіе получать выпуски въ переплетахъ (по 1 переплету на 3 выпуска) прилагаютъ по 75 к. съ пересылкой за томъ (три выпуска). Крышки (одна на 3 выпуска) по 60 коп. безъ пересылки. Пересылка по почтовой стоимости за счетъ заказчика. Переплеты и крышки изъ англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ четырехъ цвѣтовъ: зеленаго, краснаго, сѣраго и малиноваго.

С. И. ПОВАРНИНЪ

Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго Университета.

Объ „интуитивизмѣ“ Н. О. Лосскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

1911

Пров. 19..

В
4905
I. Лос

ИСКЛЮЧЕНО
16444
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
674
56

Отъ автора.

Поводомъ къ этимъ критическимъ замѣткамъ послужилъ, прежде всего, конечно, мой интересъ къ «интуитивизму» Н. О. Лосскаго и, главнымъ образомъ, къ тому направленію въ философіи, къ которому онъ примыкаетъ. Хотѣлось бы, чтобъ недочеты въ «интуитивизмѣ», на которые указано будетъ далѣе, были, если можно, устранены. Съ другой стороны ошибки г. Лосскаго чрезвычайно поучительны и лишній разъ подчеркиваютъ огромную важность одной нерѣдко слишкомъ недостаточно оцѣниваемой стороны философскихъ гипотезъ и изслѣдованій.

Полная надеждъ и широкихъ плановъ ладья талантливаго автора разбивается о незамѣтный подводный камень, о который разбилось не мало ученій въ опасномъ морѣ философіи. Этотъ камень—*формальная состоятельность* философскихъ построеній.

Если только я не ошибаюсь (а въ ошибкѣ своей я всегда буду радъ сознаться), г. Лосскій впалъ въ своихъ книгахъ въ огромныя противорѣчія. Различныя тенденціи, самое различіе которыхъ дѣлаетъ, конечно, честь широтѣ захвата автора, оказались не только непримиренными, но прямо исключающими другъ друга. Противорѣчія эти настолько велики и важны, что возраженія по существу во многихъ случаяхъ кажутся пока безполезными. Какъ, напримѣръ, опровергать ученіе о сужденіяхъ, если у автора встрѣчается послѣдовательно три противорѣчащихъ другъ другу пониманія сущности сужденія? Да и стоитъ ли, если авторъ самъ себя опровергаетъ?

Въ такомъ видѣ, въ какомъ «интуитивизмъ» существуетъ теперь, онъ безусловно не можетъ служить фундаментомъ прочнаго зданія, такъ какъ самъ, что называется, «разъѣзжается по швамъ». Къ сожа-

лѣнію, ни второе изданіе «Основныхъ ученій психологіи», вышедшее въ прошломъ году, ни второе изданіе «Обоснованія интуитивизма» (1908 г.) не носятъ слѣдовъ сколько-нибудь значительной передѣлки. Можно только искренно желать и надѣяться, что эти книги будутъ переработаны кореннымъ образомъ въ слѣдующихъ изданіяхъ, при чемъ все цѣнное и значительное сохранится, а всѣ крупные недочеты исчезнутъ навсегда *).

С. П.

---

*) Въ основу этой статьи легъ докладъ «Объ интуитивизмѣ Н. О. Лосскаго», прочитанный въ Спб. Философскомъ Обществѣ 12 октября 1910 г.—Всѣ возраженія г. Лосскаго приняты во вниманіе. Цитаты дѣлаются по вторымъ (послѣднимъ) изданіямъ его книгъ. Курсивъ въ цитатахъ мой, за исключеніемъ особо оговоренныхъ случаевъ. Для краткости «Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма» будутъ обозначаться просто словомъ «Психологія», а названіе «Обоснованіе интуитивизма» въ примѣчаніяхъ сокращается въ «Инт.». Психологія г. Лосскаго принята во вниманіе потому, что самъ авторъ считаетъ ее дополненіемъ къ основному своему труду и постоянно ссылается на нее въ послѣднемъ.

I. Знаніе и сознаніе.

1.

Прежде всего ознакомимся съ психологическимъ ученіемъ г. Лосскаго о сущности знанія, изложеннымъ въ его «Основныхъ ученіяхъ психологіи».

Обыкновенно думаютъ, что «всякое состояніе сознанія есть само по себѣ уже знаніе» [1]). Это мнѣніе совершенно ошибочно—говоритъ г. Лосскій. Знаніе есть нѣчто болѣе сложное, чѣмъ простое сознаніе. Оно относится къ сознанію, какъ видъ къ роду [2]). Оно есть «состояніе сознанія, дополненное нѣкоторыми новыми состояніями» [3]). Такимъ образомъ жизнь сознанія складывается изъ опознанныхъ и неопознанныхъ состояній сознанія.

Отсюда естественно возникаютъ два важныхъ для насъ вопроса: 1) что же представляютъ изъ себя, по мнѣнію г. Лосскаго, «простыя (неопознанныя) состоянія сознанія», 2) какой именно новый признакъ (differentia specifica), присоединяясь къ нимъ, обращаетъ ихъ въ знаніе? Это мы и постараемся прежде всего рѣшить.

Что такое «неопознанное состояніе сознанія»? На этотъ любопытный вопросъ г. Лосскій даетъ, съ виду, очень опредѣленный отвѣтъ. Онъ участвовалъ въ серіи опытовъ надъ цвѣтовыми контрастами, и тутъ наблюденіе показало ему, что „сознаніе «*этого опредѣленнаго* состоянія» («мы говоримъ объ опредѣленности зрительнаго образа...»—прибавляетъ г. Лосскій) есть явленіе вторичное, возникающее вслѣдъ за появленіемъ *просто состоянія сознанія*, которое мало-по-малу, путемъ сознательныхъ усилій, опредѣляется нами“ [4]). Изъ этихъ словъ вполнѣ отчетливо вытекаетъ, что:

1) «просто состоянія сознанія» представляютъ изъ себя дѣй-

---

[1]) Псих. 84. 96.
[2]) Ib. 77.
[3]) Ib. 86.
[4]) Ib. 83.

ствительно отдѣльныя состоянія сознанія, которыя могутъ появляться и исчезать изъ послѣдняго;

2) отъ опознанныхъ состояній сознанія они отличаются своею «неопредѣленностью». Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается и второй поставленный нами вопросъ—«какой признакъ, присоединяясь къ неопознаннымъ состояніямъ, обращаетъ ихъ въ знаніе»: этотъ признакъ—«*опредѣленность*» переживаній. И дѣйствительно, у г. Лосскаго мы находимъ множество подтвержденій этого. Напр., воспріятіе бѣлаго цвѣта» тогда лишь «относится къ числу интеллектуальныхъ состояній», когда „мы воспринимаемъ его, какъ «этотъ опредѣленный цвѣтъ»“ [1]). Опознать процессъ мысли, значитъ «воспринимать» его, какъ «этотъ опредѣленный процессъ», т. е. какъ процессъ, состоящій изъ «этихъ опредѣленныхъ членовъ»; иначе онъ остается простымъ «состояніемъ сознанія, не сопровождающимся знаніемъ» [2]) и т. п.

Любопытно сопоставить съ этимъ изложеніе г. Лосскимъ теоріи апперцепціи Вундта, принятой имъ свою психологію. «Во всякій данный моментъ—говоритъ г. Лосскій,—наше сознаніе складывается изъ массы разнородныхъ состояній, совокупность которыхъ принято называть полемъ сознанія». Та группа этихъ состояній, которая «сознается наиболѣе ясно и отчетливо»,—«говоря языкомъ Вундта», «апперцепируется» нами. «*Прочія состоянія мы только перцепируемъ*» [3]). «Не только апперцепція, но и перцепція совершается лишь въ отношеніи явленій, болѣе или менѣе интересующихъ насъ: то, что ни въ какомъ отношеніи не интересно, вовсе не попадаетъ въ сферу сознанія» [4]).

Слѣдовательно, предѣлы сознанія совпадаютъ съ предѣлами перцепціи. Изъ всего этого вполнѣ понятно, что означаютъ въ устахъ г. Лосскаго такія выраженія, какъ «порогъ сознанія», «мелодія потухаетъ въ сознаніи» и т. п. Въ то же время очевидно, что всѣ «неопознанныя состоянія» *перцепируются* нами, хотя и не апперцепируются.

Неопознанныя состоянія чрезвычайно важны для психологіи г. Лосскаго. «Волюнтаризмъ можетъ быть развитъ безъ противорѣчій только въ томъ случаѣ,—говоритъ онъ,—если жизнь сознанія складывается не изъ однихъ познавательныхъ процессовъ, а еще изъ состояній, вовсе не заключающихъ въ себѣ знанія» [5]).

---

[1]) Ib. 81, 82.
[2]) Ib. 86.
[3]) Ib. 28.
[4]) Ib. 30.
[5]) Ib. 78.

2.

Все это сравнительно ясно. Но вдругъ въ срединѣ книги мы встрѣчаемъ заявленіе г. Лосскаго, уничтожающее эту ясность. Онъ заявляетъ, что его «просто сознаніе», т. е. «неопознанныя состоянія сознанія», или включаютъ въ себя безсознательное другихъ психологовъ, напр. Гартмана, или даже тожественны съ нимъ [1]). Онъ опровергаетъ мнѣніе Гартмана и др., будто безсознательное отличается отъ сознанія по качеству. «Только одно качество, — говоритъ г. Лосскій — нерѣдко встрѣчающееся въ такъ называемыхъ безсознательныхъ процессахъ, можетъ побуждать къ признанію ихъ специфическаго отличія отъ сознанія: они совершаются какъ бы внѣ времени и составляютъ *абсолютное сплошное единство*, напр., въ интуитивныхъ умозаключеніяхъ посылки и выводы не слѣдуютъ другъ за другомъ, а какъ бы даны вмѣстѣ. *Однако и это свойство безсознательнаго принадлежитъ тому, что мы называемъ сознаніемъ*». «Правда, по мѣрѣ того, какъ *цѣльное сплошное состояніе* сознанія опознается, оно все болѣе утрачиваетъ свою цѣльность» и т. д. [2]).

Но позвольте,—можетъ спросить читатель,—вѣдь здѣсь уже дѣло идетъ о совсѣмъ иномъ, чѣмъ прежде: оказывается, что «неопознанныя состоянія сознанія» «составляютъ абсолютное сплошное единство», изъ котораго *выдѣляются* только «по мѣрѣ опознаванія». Выдѣленіе, обособленіе ихъ производится *познаніемъ;* до опознанія они для насъ на дѣлѣ не существуютъ, они не даны въ непосредственномъ опытѣ, какъ отдѣльныя для насъ переживанія. Ихъ отдѣльно можно только мыслить in abstracto.

Можетъ быть это заявленіе г. Лосскаго своего рода lapsus calami? Но нѣтъ. Изъ всего изложенія интуитивизма видно, что эти слова г. Лосскаго вполнѣ логически вытекаютъ изъ самой сущности его основного ученія о знаніи.

1) Г. Лосскій видитъ сущность знанія въ «различеніи», «выдѣленіи», «обособленіи». 2) Г. Лосскій убѣжденъ, что знаніе есть нѣчто «вторичное», «надстроивающееся надъ сознаніемъ», относящееся къ нему, какъ видъ къ роду. Изъ этихъ двухъ посылокъ логически необходимо слѣдуетъ выводъ: если познаніе «различаетъ», «обособляетъ», «выдѣляетъ», то значитъ въ «просто сознаніи» познаваемое не было обособлено, выдѣлено, различено. Т. е. все «просто сознаваемое»

---

[1]) Ib. «Ученія о безсознательномъ».

[2]) Ib. 96, 97.

представляетъ въ дѣйствительности для насъ «абсолютное сплошное единство». Еще отчетливѣе, можетъ быть, это видно изъ опредѣленія знанія въ «Обоснованіи интуитивизма»: «знаніе есть *дифференцированіе* путемъ сравненія». Но слово дифференцированіе вѣдь именно и обозначаетъ, въ общемъ своемъ значеніи, переходъ отъ однороднаго единства къ разнородному множеству. Итакъ дифференцируемое «кажется» намъ до акта познанія «однороднымъ сплошнымъ единствомъ»; иначе сказать—«просто сознаваемое» представляетъ сплошное единство.

На этотъ счетъ обмануться нельзя... Если г. Лосскій видитъ сущность познанія въ различеніи, въ дифференцированіи, то вѣдь должно существовать то,—та однородная масса, такъ сказать,—изъ которой нѣчто дифференцируется, различается. Это основной, необходимый *постулатъ ученія о знаніи, какъ различеніи.* «Психологія» Лосскаго отличаетъ сознаніе отъ знанія, какъ родъ отъ вида, значитъ должна признать неразличенной, «темной», однородной массой—*сознаніе.*

Это вопросъ, чрезвычайно интересный и важный, выходящій за предѣлы «интуитивизма» г. Лосскаго. Надо помнить, что мы все время говоримъ о *психологическомъ* сознаніи, которое, несомнѣнно, имѣетъ въ виду г. Лосскій въ своей «Психологіи» [1]). Предъ нами являются у г. Лосскаго три необходимыхъ данныхъ: 1) «дѣйствительность», въ которой все существуетъ, конечно, раздѣльно; 2) психологическое сознаніе, изъ котораго субъектъ познанія долженъ все выдѣлить, различить. Иначе сказать, въ немъ все недифференцировано, представляетъ сплошное единство. Ближе всего, повидимому, можно приравнять его къ «слитному» сознанію, напр., у Джемса [2]); 3) различающій (посредствомъ сравненія) субъектъ познанія. Повторяю еще разъ: если сущность познанія въ дифференцированіи, а сознаніе не есть то же, что познаніе, то неминуемо мы должны придти къ однородному,—если хотите, къ слитному,—сознанію. А на такомъ именно пониманіи познанія и построено *все ученіе о знаніи* г. Лосскаго.

Теперь, что же вытекаетъ изъ всего этого? «*Волюнтаризмъ*», какъ мы видѣли выше, требуетъ, по словамъ г. Лосскаго, существованія

---

[1]) См. всѣ цитаты, приведенныя нами выше, а также выраженія: «потухаетъ въ сознаніи, «порогъ сознанія», «периферія сознанія» и т. п.

[2]) В. Джемсъ. Психологія. Пер. И. Лапшина, стр. 191 sq. «Различеніе».— Между прочимъ Джемсъ говоритъ: «Если въ данномъ объектѣ мы одновременно воспринимаемъ группу abcd, то отъ нихъ получается *цѣльное своеобразное ощущеніе*... Только путемъ дальнѣйшихъ опытовъ мы научаемся различать въ немъ a, b, c, d» и т. д.

отдѣльныхъ «просто состояній» сознанія, «неопознанныхъ состояній» сознанія; *ученіе о «знаніи»* г. Лосскаго приводитъ необходимо къ отрицанію ихъ. *Двѣ тенденціи явно непримирены въ книгѣ г. Лосскаго и одерживаетъ побѣду то одна, то другая, исключая другъ друга* [1]).

Перейдемъ теперь къ выясненію другихъ основныхъ противорѣчій «интуитивизма» г. Лосскаго, поскольку это ученіе отразилось въ разбираемыхъ нами книгахъ. Перейдемъ къ его краеугольному камню—ученію о сужденіяхъ, изложенному въ «Обоснованіи интуитивизма».

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ, что ученіе о знаніи, какъ дифференцированіи, приводя, при предпосылкахъ г. Лосскаго, къ понятію сплошного единства психологическаго сознанія, показываетъ, что перешагнуть за предѣлы индивидуальнаго сознанія вовсе не такъ легко, какъ думаетъ г. Лосскій. При его попыткѣ возникаетъ много трудныхъ и сложныхъ вопросовъ, которые онъ, къ сожалѣнію, не разъяснилъ и о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто.

II. Ученіе о сужденіяхъ.

1.

Уже въ «Психологіи» г. Лосскаго мы читаемъ, что «всякое знаніе возникаетъ лишь, какъ результатъ сравненія, т. е. различенія и отожествленія» [1]). При этомъ «другія состоянія (сознанія), на фонѣ которыхъ *выдѣляется* (курсивъ г. Лосскаго) нами воспринимаемое, остаются въ туманѣ, да это и не удивительно: *мы заняты познаніемъ не ихъ, а того, что выдѣляемъ* изъ среды ихъ» [2]). Первая часть «обоснованія интуитивизма» стоитъ на совершенно такой же точкѣ зрѣнія. Здѣсь мы встрѣчаемся уже съ опредѣленіемъ знанія: [3]) «знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями» [4]). Опредѣленіе это довольно неясно; за то приводится примѣръ, вполнѣ отчетливо разъясняющій его. Положимъ, у насъ въ умѣ совершился процессъ какого-либо умозаключенія и мы хотимъ опознать его. Для этого, говоритъ г. Лосскій, надо выдѣлить его, отличить и отожествить. „Констатированіе «это процессъ дедуктивнаго умозаключенія по первой фигурѣ силлогизма» только въ томъ случаѣ и возможно, если процессъ такого умозаключенія *выдѣленъ* изъ сферы другихъ переживаній, эмоцій, состояній самочувствія и т. п., если онъ *отличенъ* отъ индуктивныхъ умозаключеній и *уподобленъ* дедуктивнымъ умозаключеніямъ первой фигуры“ [5]). Отсюда совершенно ясно, что знаніе есть переживаніе выдѣленное, отличенное и уподобленное. Познается именно то, что выдѣляется, отличается, уподобляется,—какъ это заявлялось и въ «Психологіи».

---

[1]) Псих. 82.
[2]) Псих. 81—2.
[3]) Инт. 68. («данное опредѣленіе знанія»)
[4]) Ib. 66.
[5]) Ib. 65.

Однако, во второй части «Обоснованія интуитивизма» это пониманіе знанія самымъ кореннымъ образомъ измѣняется. Опредѣленіе знанія получаетъ новый смыслъ, совершенно противорѣчащій первоначальному. Это превращеніе стоитъ разсмотрѣть поподробнѣе.

На первой страницѣ второй части мы встрѣчаемъ еще прежнее опредѣленіе: «Знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями». Но уже на слѣдующей страницѣ оно принимаетъ другую форму: «*Знаніе есть процессъ дифференцированія дѣйствительности путемъ сравниванія*» [1]). Предполагается, что это новое опредѣленіе по существу тожественно съ первымъ. На самомъ дѣлѣ оно существенно отличается отъ него, лучше сказать, становится въ противорѣчіе со смысломъ, который придавался первому опредѣленію ранѣе.—Проще всего и отчетливѣе это можно увидѣть тогда, когда мы разсмотримъ, въ чемъ долженъ состоять отдѣльный актъ знанія, т. е. *сужденіе* [2]), согласно съ первымъ опредѣленіемъ и въ чемъ онъ состоитъ, согласно со вторымъ.

Разсмотримъ сужденіе съ точки зрѣнія *перваго* опредѣленія:

1) Субъектомъ сужденія всегда является самый объектъ познанія [3]). Но, какъ мы видѣли выше, въ каждомъ актѣ знанія познается именно то, что̀ выдѣляется, различается, отличается. Слѣдовательно, *субъектомъ* сужденія служитъ то переживаніе, *которое* выдѣляется, отожествляется, различается [4]).

2) Актъ знанія состоитъ въ различеніи познаваемаго переживанія отъ другихъ переживаній и отожествленіи съ ними. Слѣдовательно, въ сужденіи устанавливается *отношеніе тожества и различія* между субъектомъ его и другими переживаніями.

3) Тѣ переживанія, *съ которыми субъектъ сравнивается*, отожествляется, или же отъ которыхъ отличается, служатъ *предикатомъ* сужденія.

Все это вполнѣ подтверждается въ томъ примѣрѣ г. Лосскаго, который мы цитировали выше: «это дедуктивное умозаключеніе по первой фигурѣ силлогизма» [5]). Въ данномъ сужденіи субъектомъ служитъ выдѣленное переживаніе «это», отожествляемое съ другимъ переживаніемъ, предикатомъ («дедуктивное умозаключеніе» и т. д.); отношеніе между ними—отношеніе тожества.

---

[1]) Инт. 196. sq.
[2]) Инт. 200.
[3]) Инт. 224.
[4]) Ср. Псих. 81—2.
[5]) Инт. 65.

Но *второе* опредѣленіе знанія приводитъ г. Лосскаго къ совершенно иному пониманію сужденій, развитому вполнѣ отчетливо самимъ авторомъ:

1) Субъектъ сужденія S есть то переживаніе, *изъ котораго* выдѣляется въ сужденіи нѣкоторая новая сторона или элементъ [1]).

3) Отношеніе между субъектомъ и предикатомъ—*отношеніе основанія къ слѣдствію* [2]).

3) Предикатъ есть *выдѣленное* изъ субъекта переживаніе [3]).

Первое пониманіе сужденія и соотвѣтственное ему опредѣленіе знанія, несомнѣнно, слишкомъ узки. Подъ него подходятъ безъ всякой натяжки только сужденія вродѣ: «это красный цвѣтъ», «это книга» и т. п. Даже такія простыя сужденія, какъ «доска черна», уже выходятъ за его предѣлы: вѣдь въ нихъ предикатъ «выдѣляется» изъ субъекта, во всякомъ случаѣ не отожествляется съ нимъ. Какъ только мы перейдемъ къ разсмотрѣнію подобныхъ сужденій, необходимость измѣнить прежній взглядъ на сущность сужденія становится очевиднымъ.—Тутъ на сцену является второе пониманіе сужденія: во всякомъ сужденіи предикатъ *выдѣляется* изъ субъекта и связь между нимъ и субъектомъ — связь *основанія и слѣдствія*. Подъ него сужденіе «доска черна» и т. п. дѣйствительно подходятъ. Но получается нѣчто вродѣ Тришкина кафтана: перестаютъ подходить сужденія перваго рода («это книга» и т. п.). Вѣдь въ этихъ сужденіяхъ между предикатомъ и субъектомъ устанавливается отношеніе тожества и различія, и выдѣляется самъ субъектъ; въ сужденіяхъ же второго рода выдѣляется предикатъ изъ субъекта и относится къ нему, какъ основаніе къ слѣдствію.

Невольно возникаетъ мысль, не признаетъ ли г. Лосскій два вида сужденій? Можетъ быть, прежде онъ говорилъ объ одномъ изъ нихъ, теперь о другомъ? Но это предположеніе приходится отбросить. Изъ дальнѣйшаго его изложенія очевидно, что онъ *всѣ* сужденія сводитъ къ одному второму виду. Напр., изъ этой предпосылки вытекаетъ интересное утвержденіе, что *всѣ* безъ исключенія сужденія въ извѣстномъ смыслѣ суть сужденія аналитическія, такъ какъ предикатъ выдѣляется *всегда* изъ субъекта (взятаго во всей полнотѣ его свойствъ, какъ опознанныхъ, такъ и неопознанныхъ [4])

---

[1]) Ib. 200 sq. 224 sq.

[2]) Это связь *реальная* (не только логическая), въ формѣ реальной причинной связи, функціональной зависимости, отношенія между причиной и дѣйствіемъ и т. п. Ib. 225—6.

[3]) Ib. 224. 200—1.

[4]) Объ этомъ см. далѣе, стр. 17.

и т. п. Наконецъ, г. Лосскій прямо ставитъ вопросъ: «Всѣ ли сужденія охватываются ученіемъ о сужденіи, какъ объ актѣ дифференцированія дѣйствительности путемъ сравненія»—понимая подъ актомъ дифференцированія именно выдѣленіе новыхъ сторонъ субъекта,—выдѣленіе предиката. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается утвердительный.

Такимъ образомъ приходится допустить, что г. Лосскій просто потерялъ, такъ сказать, по пути первый видъ сужденій.

2.

И дѣйствительно, о сужденіяхъ, устанавливающихъ тожество и различіе (которыя играли главную роль въ «Психологіи» и первой части «Обоснованія интуитивизма»), во второй части основного труда г. Лосскаго нѣтъ и рѣчи. Они совершенно исчезли изъ области изслѣдованія. Г. Лосскій продолжаетъ утверждать, что «на долю дѣятельности мышленія» въ знаніи относятся «только результаты сравниванія, именно *усмотрѣніе сходства и различія*» [1]); но *сужденія*, въ которыхъ проявляются отдѣльные акты этой «скромной дѣятельности», для него исчезли. Ихъ нѣтъ.

Въ какой именно формѣ проявляется дѣятельность познающаго субъекта, устанавливающаго сходство и различіе—неизвѣстно.

Передъ г. Лосскимъ стояла дилемма, вытекающая изъ самой сущности его ученія. 1) Съ одной стороны вся *дѣятельность мышленія* (какъ онъ заявляетъ) исключительно состоитъ въ сравниваніи, т. е. «въ усмотрѣніи сходства и различія между предметами». Сужденіе же есть отдѣльный актъ мышленія. Слѣдовательно, въ немъ должно усматриваться *отношеніе сходства или различія* между данными объектами (субъектомъ и предикатомъ). 2) Съ другой стороны основнымъ положеніемъ г. Лосскаго служитъ та мысль, что «сама познаваемая *дѣйствительность имманентна* процессу знанія». «Слѣдовательно,—говоритъ г. Лосскій,—каково отношеніе между частями дѣйствительности, таково же и отношеніе между частями сужденія S и P» [2]). Если части дѣйствительности относятся другъ къ другу, какъ причина къ слѣдствію, то это же реальное отношеніе существуетъ между субъектомъ и предикатомъ.—Такимъ образомъ изъ двухъ одинаково безспорныхъ для г. Лосскаго предпосылокъ слѣ-

---

[1]) Инт. 339.

[2]) Инт. 225.

дуютъ два различныхъ вывода объ отношеніи между S и P. Въ первомъ случаѣ мышленіе играетъ въ сужденіи подобающую ему роль —устанавливаетъ сходство и различіе между частями дѣйствительности. Зато невозможно сказать, что дѣйствительность имманентна знанію и «каково отношеніе между частями дѣйствительности, таково же отношеніе и между S и P». Во второмъ случаѣ дѣйствительность имманентна знанію со всѣми своими связями: сужденіе обращается въ дифференцированный реальный процессъ дѣйствительности, зато дѣятельность мышленія оказывается повисшей въ воздухѣ. Мы только слышимъ, что сужденіе есть «объектъ, дифференцированный *путемъ сравненія*», сужденій же сравниванія не видимъ.

Какимъ же образомъ г. Лосскій разрѣшаетъ эту дилемму?

Онъ просто, незамѣтно для себя, отбрасываетъ первую часть ея. Благодаря этому *все* знаніе обращается въ дифференцированную дѣйствительность, а такія сужденія, какъ «S причина P», въ дифференцированный реальный процессъ въ объектѣ. Знаніе есть: 1) сама дѣйствительность, какъ она есть, въ оригиналѣ, съ ея реальными процессами и связями, 2) дифференцированная нами путемъ сравниванія. Но само сравниваніе въ формѣ сужденій не проявляется. Ученіе о немъ какъ бы подмостки, необходимыя при постройкѣ зданія. Они убраны—а зданіе осталось. Зданіе это—«дифференцированная дѣйствительность».

Въ началѣ своей книги г. Лосскій такъ характеризовалъ «знаніе о внѣшнемъ мірѣ»: «знаніе о внѣшнемъ мірѣ есть *процессъ, одною своею стороною разыгрывающійся въ мірѣ не—я* (матеріалъ знанія), *а другою своею стороною совершающійся въ мірѣ я* (сравненіе)» [1]).

Попытка развить это основное положеніе интуитивизма въ ученіи о сужденіяхъ окончилась пока, какъ видимъ, полною неудачей. Она привела къ интересной дилеммѣ, обойденной г. Лосскимъ, но отнюдь не разрѣшенной.

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ г. Лосскій могъ придти къ такимъ противорѣчіямъ?

Повидимому, здѣсь сыграли немаловажную роль неясность и двусмысленность терминовъ,—недостатокъ, очень замѣтный въ сочиненіяхъ г. Лосскаго.

«Знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями». Это выраженіе очень неясное и неясность его зависитъ отъ термина «сравненный». Сравненный—значитъ подвергшійся срав-

---

[1]) Инт. 77.

ненію, причемъ подразумѣваются и результаты послѣдняго. Результаты же сравненія можно свести къ двумъ видамъ:

1) *Сравнивая два предмета, я могу установить тожество ихъ или и различіе между ними.* Оба предмета могутъ быть выдѣленными въ сознаніи до такого различенія и отожествленія.

2) *Сравнивая ихъ, я могу открыть въ одномъ изъ нихъ признакъ или элементъ, котораго прежде не различалъ*, о которомъ прежде не зналъ. Этотъ элементъ или признакъ «выдѣлится» изъ сравниваемаго объекта.

Когда я взгляну, напримѣръ, на кредитную бумажку, лежащую на столѣ и подумаю: «это пятирублевка»—то эта мысль есть результатъ сравненія и *отожествленія* сравненныхъ предметовъ. Если я, подозрѣвая, не фальшивая ли это бумажка, сравню ее съ настоящею и вдругъ замѣчу въ послѣдней признакъ, котораго прежде «не зналъ»—это будетъ *выдѣленіе* изъ сравниваемаго объекта. Оно находится въ самой тѣсной связи съ отожествленіемъ и различеніемъ; но, какъ *результатъ* сравненія, оно совершенно отлично отъ этихъ результатовъ. Въ первомъ случаѣ слѣдствіемъ сравненія является только установка сходства и различія *предмета*. Во второмъ случаѣ—выдѣленіе новой стороны *изъ предмета*.

Но и то и другое есть, въ общемъ, «результатъ сравненія» однихъ и тѣхъ же объектовъ. Поэтому говоря: «переживаніе, сравненное съ другимъ переживаніемъ», можно смѣшать оба вида результатовъ и, въ связи съ общимъ ходомъ мысли, незамѣтно подставлять то одинъ изъ нихъ, то другой.

Сюда присоединяется еще двусмысленность другого важнаго термина—слова «дифференцированный», во второй формулѣ опредѣленія знанія. («Знаніе есть дѣйствительность, дифференцированная путемъ сравненія»).

«Дифференцировать» значитъ, собственно, *разложить* однородное единство на разнородные элементы и т. д. Въ этомъ случаѣ дифференцируется *то, изъ чего* выдѣляются эти элементы, стороны и т. п. Но слово дифференцировать можетъ имѣть и другое значеніе, особенно отчетливое въ страдательномъ залогѣ: дифференцируется *то, что отчетливо выдѣляется* изъ однороднаго единства. Г. Лосскій употребляетъ promiscue это слово и въ томъ и въ другомъ значеніи. Вотъ примѣры второго значенія: «Всякій актъ сравненія дифференцируетъ только одну какую-нибудь ничтожно малую сторону объекта, напр., цвѣтъ, вѣсъ, пространственную форму и т. п.» [1]). Предикатъ сужденія «содержитъ въ себѣ, въ дифференцированной

[1]) Инт. 196.

формѣ, то же самое, что есть въ субъектѣ, въ недифференцированной формѣ» [1]) и т. д., и т. д. Примѣры, въ которыхъ слово «дифференціація встрѣчается въ первомъ смыслѣ: «дифференціація» есть «анализъ субъекта сужденія» [2]). «Всякій уголокъ міровой жизни оказывается поистинѣ безконечнымъ и дифференцировать эту безконечность сполна можно было бы не иначе, какъ подвергнувъ объектъ сравненію со всѣми остальными объектами всего міра» [3]). «Въ ней всегда сохраняется недифференцированный остатокъ» [4]) и т. п.

Такимъ образомъ одно и то же опредѣленіе знанія: «знаніе есть объектъ, дифференцированный путемъ сравненія», можетъ имѣть два смысла:

1) знаніе есть объектъ, *выдѣленный* путемъ сравненія;

2) знаніе есть объектъ, *изъ котораго* выдѣлены элементы и т. п. путемъ сравненія.

Точно такъ же и первое опредѣленіе знанія (знаніе есть переживаніе, сравненное съ другимъ переживаніемъ) можетъ означать:

1) что результатомъ сравненія является *установка сходства или различія* между переживаніями;

2) что слѣдствіемъ сравненія является *выдѣленіе* новой стороны или элемента въ сравниваемомъ переживаніи.

Отсюда вполнѣ понятно, что употребляя одно и то же опредѣленіе, г. Лосскій могъ придавать ему въ разныхъ мѣстахъ книги два различныхъ смысла,—именно тѣ, которые мы отмѣтили выше, говоря о понятіи сужденія.

3.

Но этимъ противорѣчія г. Лосскаго въ ученіи о знаніи далеко не исчерпываются.

Припомнимъ, какъ понимаетъ г. Лосскій сущность сужденія въ началѣ второй части «Обоснованія интуитивизма». Онъ рѣшительно заявляетъ, что во всякомъ сужденіи субъектомъ служитъ какая-нибудь безконечно богатая содержаніемъ часть дѣйствительности; *изъ нея* выдѣляется новая сторона, элементъ и т. п., являющіяся предикатомъ въ сужденіи.

Отсюда съ неумолимою неизбѣжностью слѣдуетъ выводъ, сдѣ-

---

[1]) Инт. 237. Ср. 224.
[2]) Инт. 206.
[3]) Инт. 196.
[4]) Инт. 196.

ланный самимъ г. Лосскимъ: «*всѣ сужденія имѣютъ въ одномъ отношеніи аналитическій, а въ другомъ синтетическій характеръ*» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, если субъектомъ служитъ дѣйствительность, а предикатомъ является всегда какая-нибудь сторона или элементъ, выдѣленные изъ этой дѣйствительности, значитъ предикатъ всегда уже содержится въ субъектѣ, т. е. *всѣ сужденія—сужденія аналитическія*. Если же субъектомъ считать не всю познаваемую часть дѣйствительности, а только то въ ней, что уже дифференцировано нами, то, очевидно, *вновь дифференцируемый* признакъ — предикатъ— никогда не содержится въ субъектѣ (т. е. въ группѣ уже *ранѣе* дифференцированныхъ признаковъ).

Поэтому го г. Лосскій и говоритъ: «всякое сужденіе есть *анализъ* неопознанной стороны субъекта, но въ отношеніи къ опознанной сторонѣ субъекта всякое сужденіе есть *синтезъ*» [2]).

Это ученіе объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ не только необходимо вытекаетъ изъ указаннаго пониманія сущности сужденій и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленія знанія, но и вытекаетъ *единственно* изъ такого пониманія. Это и придаетъ ему извѣстную своеобразность.

Однако, переходя къ IV главѣ сочиненія г. Лосскаго,—къ ученію объ «элементарныхъ методахъ знанія», мы вдругъ наталкиваемся на любопытное заявленіе, совершенно противорѣчащее вышеизложенному. Г. Лосскій дѣлитъ сужденія воспріятія на два вида. «Въ однихъ случаяхъ мы воспринимаемъ нѣкоторую сложную часть дѣйствительности S и, *не выходя за ея предѣлы*, подвергаемъ ее дифференціаціи и находимъ въ ея составѣ элементъ P, какъ необходимую сторону цѣлаго. Такія воспріятія мы будемъ называть *прямыми*» [3]). Разъ въ сужденіяхъ прямого воспріятія мы находимъ предикатъ P въ предѣлахъ субъекта S—конечно, эти сужденія подходятъ подъ утвержденіе автора: «всякое сужденіе есть анализъ неопознанной стороны субъекта».

Но далѣе читаемъ: «въ другихъ случаяхъ мы воспринимаемъ часть дѣйствительности S, но вслѣдъ за этимъ *выходимъ за ея предѣлы*, прослѣживая необходимую связь ея съ другою частью дѣйствительности P и воспринимая такимъ образомъ это P въ его необходимомъ отношеніи къ S. Такія воспріятія мы будемъ называть *косвенными*» [4]). Здѣсь «выхожденіе за предѣлы» субъекта сужде-

---

[1]) Инт. 205.
[2]) Инт. 207.
[3]) Инт. 269.
[4]) Инт. 269

Библиотека им. А. И. Герцена
Фундаментальная библиотека Общественных Наук Академии Наук СССР

нія, уже является очевиднымъ противорѣчіемъ съ вышеприведеннымъ заявленіемъ г. Лосскаго. Одно изъ этихъ двухъ утвержденій исключаетъ другое.

Отъ своего ученія о косвенномъ воспріятіи г. Лосскій не можетъ отказаться. На немъ основано его ученіе объ умозаключеніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ очень существенной части; кромѣ того, «оно имѣетъ огромное значеніе для общей методологіи наукъ» [1]) и т. д. Слѣдовательно, приходится отказаться отъ ученія, будто «всякое сужденіе» въ одномъ смыслѣ аналитическое, въ другомъ синтетическое». Есть множество сужденій («имѣющихъ огромное значеніе») —*синтетическихъ въ обоихъ смыслахъ*. А такъ какъ единственной и необходимою предпосылкою этого ученія было прежнее пониманіе сущности сужденія, будто «во всякомъ сужденіи» предикатъ выдѣляется изъ субъекта—приходится отказаться и *отъ прежняго пониманія сужденія*. Необходимо допустить сужденія двухъ видовъ, т. е. *на ново передѣлать ученіе о сужденіяхъ*. Но г. Лосскій этого не сдѣлалъ. Поэтому противорѣчіе у него осталось во всей силѣ.

Такимъ образомъ, въ общемъ развитіи ученія о сужденіи у г. Лосскаго можно намѣтить три момента, исключающихъ другъ друга:

1) Въ сужденіи устанавливается между субъектомъ и предикатомъ отношеніе тожества и различія.

2) Во всякомъ сужденіи предикатъ *выдѣляется изъ субъекта* и стоитъ къ нему въ реальномъ отношеніи *слѣдствія къ основанію*.

3) Въ очень многихъ и чрезвычайно важныхъ сужденіяхъ, мы выходимъ *за предѣлы субъекта* сужденія и прослѣживаемъ реальную связь его съ другимъ переживаніемъ—предикатомъ.

Можетъ быть всѣ эти три пониманія какъ-нибудь и примиримы съ точки зрѣнія интуитивизма. Показать это—дѣло г. Лосскаго. Но суть въ томъ, что въ обоихъ изданіяхъ его книгъ они не примирены, и самымъ рѣшительнымъ образомъ исключаютъ другъ друга. Такъ какъ ученіе о сужденіи является основнымъ для всей теоріи знанія г. Лосскаго, то нельзя не признать, что послѣдняя въ лучшемъ случаѣ требуетъ очень существенной переработки.

Нельзя не признать также, что попытка его построить все знаніе изъ аналитическихъ, въ извѣстномъ смыслѣ слова, сужденій (аналитическихъ по отношенію къ субъекту во всемъ объемѣ послѣдняго,—съ опознанною и неопознанною стороною его) рушилась сама собою. Пришлось признать сужденія синтетическія въ обоихъ смыслахъ слова.

---

[1]) Инт. 305. 308.

III. Критерій истины.

1.

Коснемся теперь любопытнаго ученія г. Лосскаго о критеріи истины.

Г. Лосскій «не отрицаетъ огромнаго значенія логическихъ законовъ мышленія, какъ критерія лжи» [1]). Но онъ напоминаетъ, «что какъ критерій истины, эти законы примѣнимы лишь къ тѣмъ сужденіямъ, въ которыхъ предикатъ вытекаетъ изъ субъекта или изъ посылокъ съ аналитическою необходимостью». И то онъ только *примѣнимъ* въ такихъ случаяхъ, но вовсе не достаточенъ. Если аналитическія сужденія имѣютъ не гипотетическій характеръ, а категорическій, то для нихъ необходимъ иной *верховный* критерій.

Итакъ, каковъ же этотъ верховный критерій?

Это становится само собой яснымъ, если мы вспомнимъ ученіе г. Лосскаго объ истинѣ сужденій. Истина не есть согласіе познанія съ дѣйствительностью, а именно наличность самой этой дѣйствительности въ сужденіи. Если содержаніе сужденія все цѣликомъ есть сама дѣйствительность, сужденіе истинно; если познающій субъектъ внесъ что-нибудь отъ себя,—такъ сказать, присочинилъ—сужденіе ложно, въ той мѣрѣ, въ какой обусловлено этимъ обстоятельствомъ. Слѣдовательно, критерій истинности сводится къ другому, основному критерію: какъ отличить, присоединено что-нибудь къ содержанію сужденія мною, какъ познающимъ субъектомъ, или же я не привнесъ ничего своего, т. е. все содержаніе сужденія цѣликомъ является самою дѣйствительностью, мнѣ данною. «Наличность бытія,—говоритъ самъ г. Лосскій,—несомнѣнна въ томъ случаѣ, когда содержаніе познанія «дано» мнѣ, а не произведено дѣятельностью, которая чувствуется мною какъ мое субъективное усиліе» [2]).

---

[1]) Инт. 320.

[2]) Инт. 325.

Теперь вопросъ, какъ различить, что въ содержаніи сужденія привнесено мною, и что «дано». Рѣшается этотъ вопросъ очень просто. Все, что сопровождается чувствованіемъ моей активности, «чувствованіемъ принадлежности мнѣ», есть «мое» переживаніе. Все, что сопровождается чувствомъ «данности мнѣ»—есть «данное» переживаніе. Значитъ, эти же чувствованія являются и критеріями истины и заблужденія.

Не будемъ останавливаться на практической безполезности такого критерія. Необходимо только замѣтить мимоходомъ, что и онъ не можетъ дать полной, «неотразимой» увѣренности [1]) *никогда*, и при томъ по вполнѣ основательной причинѣ. Критеріемъ является «чувствованіе», т. е. не познавательное состояніе. Оно требуетъ опознанія. Опознаніе можетъ быть истиннымъ или ложнымъ, т. е. выразится въ истинныхъ или ложныхъ сужденіяхъ. Опять необходимъ здѣсь критерій истины,—т. е. подобное же чувствованіе. Оно снова требуетъ опознанія и т. д. ad infinitum. Слѣдовательно, «неотразимость» наличности бытія, хотя бы даже въ аксіомахъ, на этомъ критеріи твердо обоснована быть не можетъ.

Но главное и, повидимому, рѣшающее возраженіе заключается не въ этомъ.

Верховный критерій истины долженъ быть безошибоченъ — какъ признаетъ и г. Лосскій. Если мы найдемъ, что онъ ошибоченъ хотя въ одномъ случаѣ, — уничтожается всякое довѣріе къ нему, какъ верховному критерію. Если доказано, что онъ ошибоченъ въ одномъ случаѣ,—кто намъ поручится за другіе?

Г. Лосскій вполнѣ признаетъ это соображеніе, категорически утверждая, что «*верховный критерій истины безошибоченъ*». Конечно, «знаніе наше полно заблужденій и ошибокъ», но критерій въ этомъ неповиненъ. «Это происходитъ по нашей собственной винѣ», —мы прилагаемъ его неправильно [2]).

Однако, не смотря на всѣ утвержденія г. Лосскаго, приходится признать, что критерій его самъ по себѣ далеко не безошибоченъ. И прежде всего наводитъ на эту мысль ученіе г. Лосскаго о научномъ творчествѣ.

Г. Лосскій говоритъ не разъ о «молніеносныхъ вспышкахъ сложныхъ концепцій въ процессахъ научнаго творчества, когда сложный, хотя и не дифференцированный клубокъ идей сразу появляется въ полѣ сознанія, какъ бы по наитію свыше, слѣдова-

---

[1]) Инт. 350.

[2]) Инт. 347.

тельно, имѣетъ характеръ *данности* мнѣ» [1]). Что же это за данныя «идеи»? Разъясненіе находимъ въ «Психологіи» г. Лосскаго. Въ творческой дѣятельности, между прочимъ, оказываются «данными» «нѣкоторые *новые* (курсивъ г. Лосскаго) синтезы, анализы, сопоставленія»; «обработка матеріаловъ памяти, отчасти происходитъ за предѣлами я» [2]).—Конечно, такихъ фактовъ отрицать нельзя. Но они оказываются гибельными для критерія г. Лосскаго. Приходится сдѣлать выводъ: «все, что *дано* въ содержаніи сужденія—истинно; значитъ, всѣ новые *данные* синтезы, анализы, сопоставленія и т. п. въ актѣ научнаго творчества истинны. Но такой выводъ противорѣчитъ дѣйствительности, противорѣчитъ сотнямъ и тысячамъ фактовъ въ исторіи науки и философіи.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что не все «данное» истинно и что «чувствованіе данности» не можетъ претендовать на роль критерія истины.

И это относится не только къ фактамъ научнаго творчества, но и ко всей области «подсознательнаго» или «надсознательнаго» творчества, подсознательной и надсознательной дѣятельности духа. Что сказать, напр., о галлюцинаціяхъ? Развѣ онѣ не «даны» намъ? Не кажутся намъ иногда реальнѣе реальности? А внушенныя галлюцинаціи? а сновидѣнія? Вѣдь это все «дано», все сопровождается «чувствомъ данности»—и на послѣднемъ-то и основываютъ нерѣдко галлюцинанты свою увѣренность въ реальности галлюцинаціи. Если принять критерій г. Лосскаго, мы придемъ «ad impossibile»: придется всѣ подобные продукты безсознательной дѣятельности духа признать за истину.

Въ своей «Психологіи» г. Лосскій держится того мнѣнія, что подобныя «данныя» состоянія—напр., «сложныя мысли» въ извѣстныхъ патологическихъ состояніяхъ—являются состояніями сознанія «какихъ-либо другихъ я» [3]). Но эта гипотеза не только не поправляетъ дѣла, но, очевидно, еще болѣе подчеркиваетъ несостоятельность критерія: вѣдь эти другія я могутъ же ошибаться.

---

[1]) Инт. 72.
[2]) Пс. 38.
[3]) Пс. 140.

IV. Непосредственная познаваемость міра.

1.

Въ заключеніе приходится сказать, что г. Лосскій въ своихъ «Основаніяхъ интуитивизма» впадаетъ въ совершенно особаго рода ошибку: ставитъ широкій тезисъ, а самъ доказываетъ противорѣчащее мнѣніе.

Онъ въ началѣ своей книги ставитъ теоріи знанія (въ широкомъ смыслѣ слова) великую задачу—помочь намъ «выйти въ безбрежное море дѣйствительности, какъ оно существуетъ независимо отъ нашего я».—«Мы говоримъ, конечно, не о знаніи такихъ книжныхъ червей, какъ Вагнеръ... Мы говоримъ о такомъ знаніи, какое даетъ поэтъ... Бёклинъ съ одинаковою полнотою вводитъ насъ и въ свой внутренній міръ, когда онъ рисуетъ себя въ извѣстномъ портретѣ со скелетомъ, и въ настроеніе природы весною, мрачный духъ горнаго ущелья, жизнь скалистаго берега, у котораго бушуетъ бурунъ, безмолвіе лѣса» [1]). Въ концѣ книги г. Лосскій такъ формулируетъ эту свою мысль: «Знаніе есть не копія, *не символъ* и не явленіе дѣйствительности въ познающемъ субъектѣ, а сама дѣйствительность» [2]) «въ оригиналѣ».—«Объектъ познается *именно такъ, какъ онъ есть*» [3]). «Дифференцированный образъ складывается только изъ элементовъ самого объекта» [4]) и т. д.

Очарованный перспективой такого знанія, читатель жадно ищетъ обоснованія его въ «интуитивизмѣ». Но увы! Оказывается, что авторъ «начавъ за здравіе, сводитъ на упокой».

У г. Лосскаго и здѣсь проявилась досадная черта въ построеніи его ученія — взаимодѣйствіе двухъ непримиренныхъ другъ съ другомъ различныхъ теченій мысли, тенденцій. Съ одной стороны объектъ долженъ познаваться «именно такъ, какъ онъ есть». Съ дру-

---

[1]) Инт. 1—2.

[2]) Ib. 338—9.

[3]) Ib. 68. («Дѣйствительность дана намъ въ оригиналѣ»—339).

[4]) Инт. 197.

гой стороны—«наука» учитъ о субъективности ощущеній. А г. Лосскій стремится въ данномъ случаѣ «устранить всякую возможность конфликтовъ съ современными данными частныхъ наукъ» [1]). И вотъ г. Лосскій придумываетъ особый, такъ сказать, механическій способъ примиренія этихъ двухъ требованій, притомъ совершенно не достигающій цѣли.—Всѣ наши переживанія дѣлятся на двѣ большія группы: одни окрашиваются «чувствомъ принадлежности мнѣ»; это «мои», субъективныя переживанія; другія характеризуются чувствомъ данности — это «транссубъективныя переживанія». Такимъ образомъ цвѣтъ и т. д. не есть субъективное переживаніе. Но транссубъективныя переживанія тоже дѣлятся на двѣ группы. Одни «зависятъ отъ перемѣнъ въ той группѣ переживаній, которая называется тѣломъ»—это «внутритѣлесныя» переживанія; другія—не зависятъ отъ нея, это—«внѣтѣлесныя» переживанія [2]). Такимъ образомъ ощущенія относятся къ міру «не я», но они все же внутритѣлесны. Что же они такое? На это г. Лосскій даетъ нѣсколько загадочный отвѣтъ: «цвѣта, звуки, вкусы, запахи могли бы быть *состояніями какихъ-либо низшихъ центровъ нервной системы*,—состояніями, которыя развиваются въ этихъ центрахъ подъ вліяніемъ воздѣйствій извнѣ и воспринимаются мною непосредственно, т. е. существуютъ въ моемъ знаніи такъ, какъ они существуютъ въ этихъ центрахъ» [3]).

И такъ, ощущенія—«состоянія низшихъ нервныхъ центровъ». Вѣдный Бёклинъ! Онъ думалъ, что познаетъ природу такъ, какъ она есть; а между тѣмъ всѣ красочные аккорды, переливы цвѣтовъ «бушующаго буруна», ревъ и грохотъ волнъ,—все это лишь состоянія низшихъ центровъ его нервной системы. Неужели о такомъ познаніи говорилъ г. Лосскій въ началѣ книги?

Впрочемъ онъ самъ категорически отрицаетъ то, что утверждалъ въ началѣ и концѣ «Обоснованій интуитивизма». «Воспринимая объектъ, мы различаемъ въ немъ преимущественно не его собственныя свойства, а дѣйствія его на наше тѣло—прямо заявляетъ г. Лосскій—такъ что объектъ въ самомъ дѣлѣ познается *преимущественно* опосредствованнымъ путемъ *по замѣщающимъ его сигналамъ*» [4]). Вотъ и надлежащій терминъ, окончательно разбивающій надежды читателя, которому было обѣщано познаніе объекта «именно такъ, какъ онъ есть»! Остается еще только ввести терминъ «міръ, какъ онъ есть самъ по себѣ»—въ отличіе отъ познаваемаго міра. Дальше мы увидимъ, что и это сдѣлано г. Лосскимъ.

---

[1]) Инт. 183.
[2]) Инт. 68. sq.
[3]) Ib. 14.
[4]) Инт. 82.

Въ утѣшеніе читателю г. Лосскій заявляетъ, что вѣдь «сами, эти сигналы принадлежатъ тоже міру не-я». Такъ что, познавая ихъ, мы познаемъ все же не свои субъективныя переживанія. Конечно, это вѣрно, но утѣшаетъ мало. Наблюдать грозу, какъ она происходитъ въ мірѣ внѣтѣлесномъ или наблюдать «сигналы», сообщающіе о ней,—наблюдать «состоянія своихъ низшихъ центровъ»—двѣ вещи совершенно различныя. Это далеко отъ познанія міра «въ оригиналѣ», какъ онъ есть!

Правда, г. Лосскій вскользь замѣчаетъ: «даже цвѣта и звуки, вообще ощущенія можетъ быть *не цѣликомъ* внутритѣлесны; къ этому предположенію приводятъ нѣкоторыя формы ненормальныхъ воспріятій у истеричныхъ и ясновидящихъ» [1]). Но это замѣчаніе: 1) въ лучшемъ случаѣ только *съуживаетъ* область сигналовъ, но не устраняетъ послѣднихъ; 2) въ глазахъ самого автора кажется лишь проблематичнымъ. («Можетъ быть»).

2.

Противорѣчіе, указанное нами, очевидно. Но любопытно далѣе, что же въ объектахъ г. Лосскій еще относитъ «къ сигналамъ?» Разсмотримъ пространство и время.

«Воспріятія пространства и времени—говоритъ онъ,—конечно стоятъ въ болѣе тѣсной зависимости отъ тѣла познающаго субъекта (чѣмъ субстанціальность). *Но и о нихъ нельзя сказать, что они цѣликомъ внутритѣлесны*». Т. е. и они отчасти являются лишь сигналами!—«Они сложны—говоритъ г. Лосскій, и очень можетъ быть, что однѣ стороны ихъ *зависятъ отъ тѣлесныхъ состояній* познающаго субъекта (напр., оцѣнка пространственныхъ величинъ зависитъ отъ дѣятельности мускуловъ глаза), а другія, и притомъ самыя важныя (напр., связи и смѣна взаимодѣйствія, заключающіяся въ пространствѣ, времени и движеніи) принадлежатъ *внѣтѣлесному міру, какъ онъ есть самъ по себѣ*» [2]). Послѣднее выраженіе нельзя разсматривать, какъ lapsus calami. Г. Лосскій совершенно правильно отличилъ, согласно своему ученію, «внѣтѣлесный міръ, какъ онъ есть самъ по себѣ», отъ «внѣтѣлеснаго міра, какъ онъ познается нами»—по сигналамъ. Старые знакомые снова явились передъ нами, только въ другомъ мундирѣ.

Этого впечатлѣнія ничуть не уменьшаютъ и дальнѣйшія заявленія г. Лосскаго, что «ходячія чувственныя представленія о времени

---

[1]) Ib. 81—2.

[2]) Инт. 81.

и пространствѣ... требуютъ глубокаго преобразованія» [1]); «что различныя обособленныя другъ отъ друга въ пространствѣ и времени явленія *вовсе не обособлены другъ отъ друга абсолютно*... поскольку есть въ нихъ тожественность, *они составляютъ одинъ и тотъ же предметъ* и въ дѣйствительности, и въ мышленіи» [2]);—«*кажется невозможнымъ*, чтобы явленіе, отдѣленное пространствомъ и временемъ отъ познающаго субъекта» было наличнымъ въ актахъ его сужденія; поэтому онтологія должна построить такое ученіе о пространствѣ и времени, которое устранило бы эту кажущуюся невозможность и т. п. [3]).

Возможности построить такое ученіе мы здѣсь оспаривать не желаемъ и не будемъ. Единственно для насъ важно,—одно обстоятельство: г. Лосскій, повидимому, еще болѣе расширяетъ здѣсь область «сигналовъ», чѣмъ это было указано выше (хотя, конечно, совершенно довольно и того, что уже указано [4]).

Что остается еще незатронутымъ отъ «объекта, какъ онъ есть въ дѣйствительности?» Субстанціальныя, причинныя и другія связи. Разсмотримъ «интуитивизмъ» и съ этой стороны.

Опосредствованы эти связи тѣломъ или нѣтъ? Сигналы онѣ—или нѣтъ?

Г. Лосскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: («имѣя за себя всю многовѣковую исторію *положительной науки*»): «внутритѣлесность переживаній опредѣляется *положительнымъ* признакомъ—зависимостью отъ тѣла, а внѣтѣлесность опредѣляется *отрицательнымъ* признакомъ—отсутствіемъ этой зависимости. Слѣдовательно, всякое данное содержаніе воспріятія до тѣхъ поръ должно считаться внѣтѣлеснымъ, пока кто-нибудь не докажетъ зависимости его отъ тѣла». Въ настоящее время нельзя усмотрѣть зависимость отъ тѣла такихъ элементовъ воспріятія, какъ субстанціальность, причинныя связи и т. п.; ergo, говоритъ г. Лосскій,—«было бы безсмысленно включить

---

[1]) Инт. 233.

[2]) Инт. 246. 241.

[3]) Инт. 235.

[4]) Замѣтимъ, что признаніе одной части воспріятія (ощущеній и т. п.) «внутритѣлеснымъ» состояніемъ нервныхъ центровъ, а другой части—чѣмъ то внѣтѣлеснымъ, воспринимаемымъ «непосредственно», т. е. безъ посредства мозга —связано съ большими трудностями. Такъ, напр.:

а) надо признать два пути познаванія свойствъ объекта: прямой (непосредственный) помимо мозга и косвенный (опосредствованный мозгомъ) — познаніе путемъ сигналовъ;

б) принять какой-то особый синтезъ, сочетающій элементы различнаго рода: непосредственно познаваемыя свойства объекта и тѣ сигналы, которые соотвѣтствуютъ остальнымъ его свойствамъ и т. п.

ихъ въ группу внутритѣлесныхъ переживаній» [1]). Конечно, «если бы были найдены какіе-нибудь нервы или участки мозга, раздраженіе которыхъ было бы необходимо и достаточно для сознаванія единства частей объекта или объективной («данной мнѣ») активности его, то тогда мы бы согласились, что и эти элементы воспріятія суть переживанія столь же внутритѣлесныя, какъ запахъ и вкусъ. *Пока физіологія не доказала этого, до тѣхъ поръ у нашихъ противниковъ нѣтъ доводовъ, опровергающихъ насъ*» [2]).

Итакъ, рѣшеніе вопроса цѣликомъ ли посредственнымъ образомъ познается «внѣшній» міръ или нѣтъ, данъ ли онъ «въ оригиналѣ» или нѣтъ—принадлежитъ *физіологіи*. Конечно, это вполнѣ послѣдовательно; разъ допустимъ, что часть этого вопроса рѣшается физіологіей (внутритѣлесность ощущеній), необходимо въ той же плоскости оставить и окончательное рѣшеніе всего вопроса цѣликомъ.

Что же остается отъ непосредственнаго познанія внѣтѣлеснаго міра, какъ онъ есть самъ по себѣ?

Свойствъ его, соотвѣтствующихъ ощущеніямъ, мы не знаемъ; намъ доступны только «сигналы» ощущеній.

Пространственныя и временныя воспріятія отчасти также сводятся къ сигналамъ.

Вопросъ о томъ, внѣтѣлесны или внутритѣлесны субстанціальныя и т. п. связи окончательно можетъ рѣшить лишь физіологія: это по существу зависитъ отъ ея изслѣдованій...

Но какъ бы то ни было г. Лосскій категорически утверждаетъ, что часть міра *не* познается въ оригиналѣ и въ то же время категорически утверждаетъ, что весь міръ познается въ оригиналѣ. Второе служитъ тезисомъ, а первое—какъ бы основаніями доказательства. И причиной этого страннаго недоразумѣнія являются, повидимому, «противоборствующія въ душѣ» его влеченія: съ одной стороны къ идеалу знанія, изложенному въ началѣ этой главы, съ другой—къ избѣжанію конфликтовъ «съ частными науками».

Резюмируемъ главные результаты нашего анализа:

1) Въ психологіи г. Лосскаго требованія «волюнтаризма» противорѣчатъ требованіямъ его ученія о знаніи.

---

[1]) Инт. 80.
[2]) Ibid.

2) Ученіе о сужденіи принимаетъ послѣдовательно три исключающихъ другъ друга и недостаточныхъ по существу формы.

3) Субъективная и объективная сторона знанія при этомъ оказались въ непримиренномъ противорѣчіи.

4) Критерій истины недостаточенъ и ученіе о немъ противорѣчитъ другимъ взглядамъ г. Лосскаго.

5) Г. Лосскій, утверждая все время, что міръ познается «въ оригиналѣ», самъ усердно доказываетъ противное.

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук СССР

Цѣна 30 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Спб. Тверская, 14, „Словарь Литературныхъ типовъ“.

25 ИЮН 1956